

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ОТПУСК
НА ТОТ
СВЕТ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Отпуск на тот свет : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198396-3

Алмаз необыкновенного красного цвета... Когда-то он хранился в спальне императора Павла I в Михайловском замке, но однажды исчез — чтобы всплыть через два с лишним столетия, в наши дни, у одного из пассажира обычного рейсового самолета. Притом у его соседа по креслу в кармане, как оказалось, ампула со снотворным и дымовая шашка. Еще у двоих на борту — снаряженные парашюты. До начала регистрации никто из них не был знаком друг с другом... Но случайно ли они оказались на одном рейсе?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198396-3

Памяти В. Г.

Пятница, 18 сентября. Вечер

Он тщательно задернул шторы. Надел перчатки. Аккуратно разложил на кухонном столе химикаты.

«Думал ли ты когда-нибудь, что на старости лет тебе придется изготавливать бомбу?»

Но ведь ты точно так же никогда не думал, что станешь поджидать человека в кустах у подъезда с обрезком свинцовой трубы в руках. Не думал, что схватишь его за горло, что...» Он тряхнул головой, прогоняя неприятные воспоминания.

«А могло тебе прийти в голову еще год назад, что ты по всем правилам оборудуешь наблюдательный пункт и будешь вести слежку? День за днем — с фотоаппаратом и блокнотом? Что будешь фиксировать привычки «объекта». Что станешь фотографировать и записывать всех, кто соприкасается с ним...

А думал ли ты — ты, никогда не имевший и не имеющий ни малейшего отношения к каким бы то ни было спецслужбам, — что будешь про-

водить настоящую вербовочную операцию? Что войдешь в доверие к человеку? Будешь называть себя его другом? Станешь подпаивать его? Глушить пентоталом? Выдавливать из него информацию?..

Но ты сделал все это.

Так что бомба — вполне логичное продолжение этому. Тот самый последний мазок, что венчает картину.

Будем надеяться, картина выйдет удачной».

Суббота, 19 сентября. Утро

ТАНЯ

Она выскользнула из-под простыни и с удовольствием оглядела себя в зеркале. Спала Таня всегда голой (все эти ночнушки, пижамки — на фиг, на фиг!), и поэтому зеркало услужливо отразило высокую грудь, длинные ноги и плоский живот с недавней татуировкой — маленьким паучком. Плюс к тому русые волосы, рассыпавшиеся по плечам, чуть вздернутый носик, пухлые губы — было в ее внешности что-то англосаксонское. Нет, она даже гораздо лучше любой англоили просто саксонки. Таня была настоящей русской красавицей.

Она потянулась, улыбаясь самой себе. Прелесть! Есть от чего забалдеть любому мужику.

И они балдели.

Вебер дрых на широкой гостиничной кровати. Утомился старичок прощальными игрищами. Он чуть посапывал, натянув шелковую простыню до носа.

Таня подошла к окну и выглянула из-за толстой портьеры. Их гостиница «Плаза» стояла близ Вацлавской площади. Прага по-осеннему золотела за окном. Голуби и туристы неспешно паслись на площади.

«До свидания, Прага! До свидания, милый Вебер! Меня ждут великие дела!»

...В этом году она взяла настоящий отпуск — на целый месяц. Чтобы и отдохнуть могла как следует, и было что вспомнить...

Первые две недели просидела паинькой вместе с Вебером в Чехии, в Карловых Варах. Расслабилась, разругянилась и поправилась на два килограмма. Было, конечно, неплохо, но наконец-то эта расслабуха кончилась!

Две унылые отпускные недели позади. Теперь начинается *лихая* часть отпуска. Право слово, лихая жизнь Тане нравилась больше.

Она вспомнила *катастрофически спокойный* чешский городок.

Прилизанные улицы. Отдыхающие в спортивных костюмах. Каждый вечер они прогуливаются по набережной с кружками минералки. Похоже,

что почти все — из России, причем из такой глухомани, куда три дня на джипе скачи — не доскачешь. Разговоры сводятся в основном к физиологическим темам.

— Ну, как вы сегодня? — со значением спрашивает во время променада одна дама другую.

— Вы знаете, — ее подруга полна радостного возбуждения, она почти кричит, — у меня сегодня утром был нормальный стул!

Ну и тощица!

Ее друг Вебер был не чета тоскливым русским. Особенно в постели.

Любой врач знает толк в сексе. А если он к тому же еще сексопатолог с пятнадцатилетним стажем... Постояльцы «Дома Павлова» не раз вздрагивали от Таниных ночных воплей.

Плюс к тому — у Вебера никаких проблем с деньгами. Жили они в «Доме Павлова» — лучшем отеле, ужинали в «Бристоле» и «Пупе», ездили на взятой напрокат «BMW Z3» — обалденной машине с открытым верхом. У Джеймса Бонда в «Золотом глазе» была такая же! Эх, и полетала же Таня по горным дорогам, входя в закрытый поворот на скорости 150 километров! Вебер только глаза зажмуривал. А после гонок по серпантину они загоняли «Z3» в лес, а то прямо на обочине, не выходя из машины, занимались секс-разминкой.

Жаль только, что кормил ее Вебер на свой «язвенный» вкус — выбирая одни лишь отворачи-

тельные пресные блюда. И никакого вина — позволялось лишь рюмку «Бехеровки» по субботам. При нем даже сигаретку выкурить было невозможно — сразу начинал зудеть, что сигареты провоцируют проблемы со здоровьем.

Нет, пора все-таки кончать с этим немцем. Сорокалетний вдовец-язвенник с двумя детьми — не самый лучший вариант. Даже если у него марок куры не клюют. Таня считала, что она достойна лучшей участи.

В свои двадцать пять Таня и сама, без всяких Веберов, добилась многого. Окончила с отличием психологический факультет МГУ. Поступила в аспирантуру. А одновременно строила карьеру. Начинала еще студенткой — работала менеджером в рекламном агентстве, потом получила ту же должность, но в агентстве покруче, потом потихоньку пробилась в небольшие начальники... А три года назад ее пригласили в российское представительство большой американской компании. Тут и началась бешеная жизнь. Пахали по семьдесят часов в неделю — как на плантации.

Ясный пень, после такой каторги нужен полноценный отдых. И пятизвездочный санаторий в Карловых Варах — только первый тур. Второй тур будет куда занимательнее.

Таня с удовольствием представила, как ее коллеги хвастаются:

«Я занимался дайвингом в Шарм-эль-Шейхе...»

«Я в Амстердаме курил травку в кафе-шопе...»

«Я обошел все музеи Лондона...»

«Это все, конечно, здорово, ребятки. Но уж туда, куда поеду я, вас точно не занесет никаким ветром».

ИГОРЬ

Больше всего на свете Игорь любил играть.

В тот день он встал по обыкновению поздно. Впрочем, «поздно» — не то слово. Если все человечество делилось на «жаворонков» и «сов», то Игорь был суперсова, экстра-сова, настоящий Сова Филинович.

Свое ложе он покинул в тот час, когда поезда метро стали заполняться людьми, клюющими носом по дороге домой после окончания рабочей смены. Впрочем, о рабочих сменах, равно как и о метро, Игорь в свои тридцать один знал лишь умозрительно. Всю жизнь он провел в атмосфере довольства и роскоши. В ней не было места общественному транспорту и пахоте за-ради куска хлеба.

Первую половину жизни комфорт и блага ему обеспечивали родители. Папа Игоря был блистательным математиком. В эпоху, когда отсутствовали персональные компьютеры, Игорев папаша был для Советской страны чем-то вроде супер-ЭВМ. С той, однако, разницей, что он мог сам

формулировать задачи для себя. И еще — при их решении проявлять то качество, коего напрочь лишена машина и которое называется в искусствах «вдохновением», а в науках — «интуицией».

Способности отца по достоинству оценила отчизна. Уже одни только премии — Ленинская плюс три Государственные — могли обеспечить подрастающего Игорька так, что он ни в чем не знал недостатка или отказа. А батяня являлся к тому ж академиком, Героем Социалистического Труда и депутатом Верховного Совета трех созывов. А все это, вместе взятое, означало во времена социализма пятикомнатную квартиру в «генеральском» доме-утиге на Соколе, домработницу, дачу в Серебряном Бору, садовника, кухарку. Плюс персональную черную «Волгу», которая ежеутренне заезжала за бодрым, румяным и всегда, казалось, веселым академиком.

К академическому комплексу прибавлялось снабжение из распределителя — мамане (доктору химических наук, между прочим) никогда не доводилось всплахиваться на крик соседки: «Полукопченую выкинули!» К тому же папаня постоянно ездил за кордон — на конгрессы, симпозиумы, семинары... Вполне понятно, что Игорь в самом деле с молодых ногтей ну ни в чем не нуждался.

Папа отвечал на заботу партии и правительства остроумнейшими подходами к расчету тра-

екторий спутников и баллистических ракет. Игорь же заботу, которой его окружала семья, в свою очередь оправдывал блистательной, восхитительной учебой.

В восемь лет он в уме извлекал квадратные корни из четырехзначных чисел. У него была феноменальная память. Любую книгу, будь то даже поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» или таблицы Брадиса, он мог цитировать наизусть, начиная с любой страницы. В десять лет прочитал семь томов Большой Советской Энциклопедии и помнил из прочитанного все, вплоть до американского биохимика Элкана Блоута и Велижа, города в Смоленской области (9 тысяч жителей, пристань на реке Западная Двина).

Но дальше первых семи томов Игоряша не продвинулся. Читать энциклопедию стало ему скучно. Как быстро наскучивало и все остальное.

Надо сказать, что, если бы академик-папа обладал хотя бы половиной способностей своего сына, Нобелевская премия была бы у него в кармане. Ее, эту премию из рук шведского короля, Игоряше кто в шутку, а кто и всерьез в детстве прочил. И, наверно, не зря. Но...

Игорь был ленив. Ленив катастрофически, фантастически, феерически. Ему, в сущности, при его способностях и окружении, даже и не требовалось никогда ни к чему прилагать усилий. Хочешь икорочки черненькой? На тебе икорочку.

Джинсы «Ливайс»? Папа привезет три пары: одну парадную, другую для школы, третью для двора. Машину? На семнадцатилетие Игоряша получил новенькую «восьмерку».

Естественно, Игорь с золотой медалью окончил среднюю школу и без труда поступил в школу высшую. Выбрал Игоряша мехмат МГУ. И тут, в сентябре 1985-го, буквально в один день произошли три события, предопределившие его дальнейшую судьбу.

Сначала однокурсники затащили его в пивную — знаменитую в ту пору «Яму» на углу Пушкинской и Столешникова. До того вкуса пива, как и другого алкоголя, целомудренный Игорь не знал. Обстановка пивной со сводчатыми потолками и неумолчным пьяным гулом, как и само пиво, Игорю не понравилась. Не понравился и последовавший за пивом сладкий портвейн «Кавказ». Категорически не понравилось ему также состояние опьянения. (И впоследствии всю свою жизнь наш герой никогда — ни в день рождения, ни на чьих-нибудь поминках, ни даже в Новый год — не притрагивался к спиртному.)

После портвейна однокурсники затащили ничего не соображавшего Игоря в общагу. Смутно помнились такси, лифт, дымная комната...

Очнулся он в полной темноте от громких и сиплых звуков. Раскалывалась голова. Он разлепил глаза и обнаружил себя лежащим навзничь.

Верхом на нем сидела большая женщина и совершала возвратно-поступательные движения. Ее огромные груди мотались перед Игорьковым носом. Кроме напряжения внизу живота, Игорь, обесчувствованный алкоголем, не ощущал ничего. Женщина трудилась вовсю и ритмично стояла. Ее огромный живот хлопал по его животу. К Игорю постепенно возвращалось сознание, и он понял, что происходит то, о чем он года четыре мечтал в тишине своей комнаты на Соколе, — его лишают невинности. Ни радости, ни сладости он от этого не испытывал.

Наконец женщина исторгла хриплый вопль победы и повалилась головой Игорю на грудь. Он по-прежнему не чувствовал ничего. «Ах ты, мой бедненький малышечка», — жарко прошептала она и стала лизать ему сосок. И тут он наконец кончил. Это было похоже на какой-то пшик — просто наступило облегчение, будто бы он помочился. Реальный опыт не шел ни в какое сравнение с тем идеальным, который он приобретал в одиночку в собственной комнате, сжимая свой член и вызывая в уме образы полураздетых одноклассниц.

Женщина навалилась на него. Тело ее обмякло. Через минуту она уже спала, чуть всхрапывая. Общежитская койка была узка даже ей одной, поэтому Игорь выкарабкался из-под нее и стал разыскивать в темноте разбросанную по всему

полу одежду. Только сейчас он заметил, что на соседней койке тоже кто-то возится и стонет. Он выскочил из комнаты, так и не найдя носки и майку.

Феноменальная память в этот раз изменила ему, и он так и не мог вспомнить впоследствии, ни как звали эту женщину, ни как она выглядела, ни в какой комнате происходило сие действие.

Но ночь продолжалась. Противоударные водонепроницаемые часы «Сейко» на запястье (подарок папани) показывали половину третьего, ехать домой на Сокол не было денег. Посему он зашел в комнату, где жили его новоявленные друзья — тоже первокурсники, как и он.

В комнате было дымно. Сокурсники-субу-тыльники, почти протрезвевшие и мрачные, играли в карты. Игоря поприветствовали вяло.

Он жадно выпил воды прямо из носика чайника и присел на ручку единственного в комнате кресла наблюдать за игрой. До того девственник Игорь ни в какие карточные игры, даже в дурака, не играл: карты в сознании родителей были таким же символом разврата, как папиросы и дурные женщины.

Игра, в которую резались друзья, называлась преферансом. К концу пульки Игорь, внимательно следивший за событиями, уже понимал ее механизм. Когда подсчитали результат, он попросился играть в следующей партии четвертым.

Стали играть — на интерес, ввиду присутствия новичка. Игорь выиграл, причем двести вистов, — только везением такой результат объяснить было нельзя. Соперники этого не поняли и в следующей «пуле» объявили игру по копейке за вист — стандартная студенческая ставка тех лет.

Игорь снова выиграл — триста пятьдесят вистов, или три рубля пятьдесят копеек. Только везением объяснить это опять же было нельзя. А Игорю и не сказать чтоб особо везло. Просто он, с его фантастической памятью, *знал*, какие карты на руках у противников, какие — лежат в прикупе, какие — сносят его соперники. Рубашку заигранной колоды он помнил так же, как если бы карты смотрели на него лицом.

До сих пор помнит Игорь, как он сгреб со стола те три мятых желтых рубля и горсть медяков; помнит, как осенний рассвет освещал изумительно красивую Москву, раскрашивая ее в мягкие пастельные тона — столица с шестнадцатого этажа главного корпуса МГУ на Ленгорах была видна вся как на ладони. Всю жизнь Игорь помнил первую изумительную, пронзительную, ни с чем не сравнимую радость от игры и выигрыша. Все это — рассвет бабьего лета, семнадцать лет, первая женщина, первая победа — сплелось в какую-то удивительную симфонию. Чудилось, что вдруг грянула изумительная музыка, а ли-

ца однокурсников-соперников казались лицами красивейших из смертных.

Не единожды потом Игорь испытает упоение победой — но тот первый раз запомнится навсегда.

И теперь, в пять часов вечера, выпив крепчайшего кофе и стоя под ледяным душем в своей квартире в Строгино, Игорь думал только об игре.

Завтра предстояла партия, по сравнению с которой все прежние игры покажутся ему пресными...

ДИМА

Сделать сенсацию — такая была у Димы мечта.

Дима начал мечтать об этом еще в пятнадцать лет, когда первую его заметку опубликовала «Комсомолка».

Глупая мечта сопровождала его все годы обучения на факультете журналистики. И все три года работы в штате большой газеты. Со временем она не потускнела. Дима стал лишь отдавать себе отчет, как трудно будет осуществить ее. Раньше, при социализме, годами ничего не происходило. Василий Михайлович Песков находил затерявшихся в тайге староверов — и это было бомбой. Готова даже не статья, а сериал. Вся страна читает. Вырезают. Клеят в альбомы...

А начало гласности? Жаль, Дима тогда еще учился в школе. Все только и говорили о том,

что там еще новенького напечатали «Огонек» или «Смена». Сталинизм! Эротика! Хиппи! Откровения анонимного бюрократа!

А сейчас — чем удивишь обывателя? Коррупцией? Проститутками? «Голубыми»? Экстрасенсами? Да сейчас плюнь на улице — попадешь в экстрасенса или проститутку. О коррупционере и говорить нечего.

Для себя Дима, впрочем, составил список тем, которые могут удивить читателя. И тем самым прославить его самого.

Это были, во-первых, сексуальные откровения о жизни политиков. А что? Наша, родная, Моника Левински обвиняет президента в сексуальных домогательствах. Да, это был бы гвоздь! Вот только захочет ли раскрывать рот доморощенная Моника Левински? Все наши потенциальные Левински — официантки или поварихи на правительственных дачах — носят погоны не менее лейтенантских и связаны подпиской о неразглашении.

Могли удивить читателей инопланетяне. Не какие-нибудь дурацкие «загадочные круги на кукурузном поле», а живые, реальные инопланетяне, у которых он, Дима, берет интервью. Нужны инопланетяне, которых можно сфотографировать и пощупать... Вот это была бы мировая — в смысле всемирная — сенсация.

Мог бы потрясти аудиторию человек, который читает мысли и двигает предметы. Не ка-

кой-нибудь там Дэвид Копперфилд. Не фокусы-покусы с многотонной аппаратурой. Нет — вот простой, допустим, рабочий из Ульяновска. Вышел подбоченься на Красную площадь. Раз — и перенес Мавзолей. Два — на том месте стоит храм Василия Блаженного. Все! Копперфилд отдыхает. Плачется в плечико Клавы Шиффер...

А все эти чудеса снимает Дима Полуянов. Обо всем пишет Дима Полуянов. У него — эксклюзивные права. Он — всем известен.

Дима был не настолько наивен, чтобы делиться с кем-то (тем более в редакции) своими мечтами или всерьез верить, что они осуществляются. Но надежда у него была. Маленькая, но была. В конце концов, ему пока только двадцать пять — вся жизнь впереди! Раздаться и жди!

Дима отнюдь не был наивным мечтательным дурачком. Он был нормальным современным молодым человеком. Он любил после работы (да и во время нее!) пропустить рюмку-другую коньяку — был бы повод! Ему нравилось смущать практиканток с журфака наглым взглядом и циническими разговорами. Он имел связь с женщиной на девять лет старше его. Наконец, Дима прекрасно знал, что многие статьи в его газете (равно как и в других) появляются не в результате свободного журналистского поиска, а оттого, что *так кому-нибудь нужно*. Больше того,

ему самому не раз предлагали деньги за публикацию того или иного *нужного* материала. Но таким просителям Дима вежливо, но твердо отказывал. Может быть, дело было в цене. Сто тысяч долларов ему пока не предлагали, а десять штук «зеленых» (максимальная цена, на которую его уламывали) — слишком дешево, считал Дима, за *его бессмертную душу*.

Лучше быть бедным, но гордым, чем... столь же бедным, но сломленным. Много ему не требуется. У него есть крыша над головой, кусок хлеба с маслом, любовь женщины бальзаковского возраста. И пока где-то на свете вызревает для него гранд-сенсация, сенсация-супер, он будет делать сенсации маленькие.

Вот и сегодня вызвал его главный редактор: «Собирайся, утром летишь. Триста строк репортажа — парашютисты прыгают на Северный полюс».

— Я с ними тоже прыгаю?

— А кто у нас всем бабам мозги заморочил — сколько у него прыжков да сколько раз его парашют не раскрывался? Трепался по коридорам? Трепался! Вот теперь-то за базар и ответишь! Так, что ли, нынче говорят?

— Истинно так! — радостно закричал Дима. — Где прикажете выписать подъемные, полетные и опускные?

— В бухгалтерии получишь. Лети отсюда!